

Цюаньцзы не боялся этой дородной пары — матери и сына. Если бы дело дошло до драки, он бы не обязательно проиграл Дун Су.

— Раз сама сделала, другим нельзя сказать? И не вздумай снова к нам приходить! Ступай на озеро Фэн, к своему дяде ищи, — А-Хэ продолжала болтать без умолку, и Цюаньцзы, слушая её, чувствовал раздражение. Он вытащил бамбуковую жердь для сушки белья, стоявшую у двери, и гневно крикнул:

— Кто это тут бесстыдно прикарманил деньги, которые дед оставил моей матери, а нас ещё и выгнал!

— Ох, небеса! Он меня сейчас побьёт! — Увидев, что у ворот собрались четверо-пятеро соседей, А-Хэ тут же принялась бить себя в грудь и голосить.

— Цюаньцзы, опусти, — А-Янь вошла во двор. Голос её был ровен, но взгляд, которым она скользнула по невестке, леденил. После стольких лет она хорошо изучила все уловки этой злобной бабы.

Цюаньцзы опустил жердь, но его двоюродный брат уже выскочил из кухни с скалкой. Закатав рукава, он встал рядом с матерью, готовый вступить:

— Драться захотел? Сегодня я вместо отца тебя как следует проучу.

Цюаньцзы взглянул на округлый живот брата и холодно бросил:

— Попробуй тронь. Гляди, как стрелой кишки распорю.

Все в деревне знали, что Цюаньцзы — стрелок хоть куда. Парнишка научился этому у Хромого Вана с озера Фэн.

— Мы с Цюаньцзы за посудой пришли. Заберём и уйдём, — А-Янь понимала: раз вокруг столько зевак, Дун Су не посмеет поднять на её сына руку. Да и ей не хотелось больше никаких дел с этой семьёй.

— Ха, ещё и посуду забрать хотите? Что у вас тут могло остаться? Всё в этом дворе — наше! — А-Хэ кричала, словно разъярённая фурия. Комнату, где раньше жили Цюаньцзы с матерью, теперь до отказа забило хворостом. Видно, с того самого дня, как они ушли, их лежанку разобрали, а вещи растащили — чтобы и думать забыли вернуться.

— Ты!.. — Цюаньцзы с яростью рванул к поясу, но схватил воздух. Тут только он вспомнил, что его деревянный лук сломался, и он его с собой не взял.

Эх, надо было тогда не в гусей стрелять, а пустить стрелу в ногу этой злобной твари.

— А глиняная пароварка из моей комнаты тут ещё? — А-Янь посмотрела на Дун Су. Она нянчила его, когда он был мал, и не ждала, что племянник старый добро вспомнит. Хоть бы каплю справедливости проявил.

— Эта? — Дун Су ткнул пальцем в большой расписной глиняный сосуд на земле, из которого кормили кур и уток. Трёхногая пароварка, целёхонька.

Кто станет такую добротную вещь под птицу отдавать? Явно назло.

— Мама, пойдём домой, — Цюаньцзы потянул А-Янь за рукав. Та сперва покачала головой,

потом медленно обвела двор ледяным взглядом.

— Пойдём, — А-Янь взяла сына за руку, и они вышли за ворота.

Не успели они отойти, как донеслось:

— Ха, сбежали, — сказал Дун Су. — А то куда? — с презрением фыркнула А-Хэ. — Глянь-ка, во что он нарядился. К какому это любовнику пристроился, кто его знает.

Услышав эту грязь, Цюаньцзы нагнулся за камнем, но А-Янь остановила его и со вздохом промолвила:

— Будь выше этого. Больше сюда не приходи.

Цюаньцзы поднял голову. От ярости глаза его налились кровью, камень в руке он сжал так, что пальцы побелели.

Мать с сыном побрели обратно той же дорогой. Только на сей раз А-Янь не отвечала на приветствия встречных.

Они шли по меже меж полей, когда сзади кто-то торопливо окликнул:

— А-Янь!

А-Янь обернулась и увидела бегущую к ним крестьянку. Она узнала её — А-Юнь, жена соседа Да Хуана.

— Как вы быстро идёте! Еле догнала, — отдышалась А-Юнь. Женщина была невысока, одета в помятую, поношенную одежду.

— А-Юнь, что случилось?

— А-Янь, твоя тётя на днях в нашу деревню навевалась. Тебя искала. Спрашивала, куда ты подевалась. Я сказала, что не ведаю, а она очень уж торопилась. Наказала мне: если увижу — скажи, мол, чтобы её разыскала.

Тётя А-Янь была выдана замуж в Волость Ху, что лежала недалеко от деревни Фэн. Семья у неё зажиточная, при жизни отца Дун она часто навевалась в Фэн, к А-Янь относилась хорошо, хоть и всё уговаривала её снова замуж выйти.

А-Янь догадывалась, зачем тётя её ищет. На всём белом свете у неё и оставалась-то лишь эта одна родственница, что боялась, как бы она с Цюаньцзы с голоду не померли.

А-Янь перекинулась с А-Юнь парой слов, затем попрощалась и пошла дальше.

Шли они пешком, шли, и вдруг Цюаньцзы понял: дорога незнакомая.

— Мама, а куда это мы? — спросил он.

— К твоей двоюродной бабушке, — ответила А-Янь.

Бабуля в годах была, но каждый раз, навещая Фэн, непременно с А-Янь поболтает, снова замуж её пристроить попытается, женихов присмотрит. Да только упрямец племянница и слушать не желала, вот старушка и руки опускала.

До Волости Ху путь неблизкий, а лошади с телегой у них не было. Шли не спеша, к полудню присели отдохнуть в тени у дороги. Хорошо ещё, лепёшки из бобов с собой захватили, поделили их пополам.

К дому бабушки добрались уже после полудня. Издали виднелась большая усадьба, Цюаньцзы бывал здесь раньше и узнал её.

А-Янь, держа сына за руку, подошла к воротам. Слуги бабушки её знали, проводили в главную залу.

Те доложили, и вскоре из внутренних покоев вышла маленькая, худая старушка. Увидев А-Янь с Цюаньцзы, она тут же бросилась обнимать их.

— А-Янь, родная! Куда же вы подевались?

— А-Чжан — негодяй последний! Слушается эту злобную бабу, ни стыда, ни совести!

Старушка говорила сквозь слёзы. А-Янь молча плакала, не проронив ни слова упрёка в адрес брата.

— Тётя, мы с Цюаньцзы в деревню Чжу перебрались. Уже больше месяца там живём, — А-Янь вытерла слёзы и принялась рассказывать.

Старушка ухватила А-Янь за руку и всё кивала да кивала. Она за эту пару немало волнений хлебнула.

— Зачем вам в деревню Чжу? Переезжайте ко мне, тут и стол, и кров найдётся.

У старушки хозяйство большое, семья зажиточная — неужели одной комнаты для них не сыщется?

— В деревне Чжу дом есть, землю обрабатываем. Цюаньцзы работающий — и рыбу ловит, и грибы собирает. А я ткать могу. Не голодаем.

А-Янь не хотела на шее у тёти сидеть, потому и ушла в деревню Чжу. Тётя, конечно, родная, но обузой становиться не хотелось, да и от чужой зависимости устала.

— Цюаньцзы, встань-ка, дай на тебя посмотреть.

Цюаньцзы поднялся, выпрямившись, без тени робости.

— Вылитый тот человек, — старушка похлопала парня по плечу, и голос её дрогнул.

— Ради этого ребёнка сколько я тебе женихов находила — всё отказывалась.

А-Янь лишь горько улыбнулась. Выйди она замуж — что бы с Цюаньцзы стало?

— Вышла бы замуж — не пришлось бы столько горя хлебать, да от этой А-Хэ издевательства терпеть.

Старушка А-Хэ люто ненавидела. По её мнению, А-Чжан был слабаком, и всему виной была его жена.

— Тётя, Цюаньцзы скоро взрослым станет. Столько лет прожили, ещё три-пять как-нибудь

перебьёмся.

А-Янь надеялась лишь на одно: подрастёт сын, семью содержать сможет, и больше их никто не станет обижать.

— А-И ушёл — и след простыл, о жене с сыном и не вспомнил. Может, на родину вернулся? А-Янь, вот вырастет Цюаньцзы — пусть в область Сы съездит, разыщет.

Отца звали Лю Ичан, и был он родом из области Сы.

— Нынче война да смута, дороги беспокойны. А раньше-то из Волости Ху в область Сы на учёбу ездили — весточка бы какая дошла.

— Наверное, тогда же разбойники и прикончили, — сказала А-Янь безо всякой дрожи в голосе. За столько лет она с этим смирилась.

— Эх, эх... Тогда и впрямь страшно было, кругом убивали. Потом из Цзиньгуаньчэна сколько народу по деревням разбежалось... А последние два года вроде потише стало.

Старушка хоть и в годах была, память ей не изменяла — те лихие времена помнила хорошо.

Цюаньцзы стоял рядом и слушал разговор матери с бабушкой. Впервые он услышал, что отец его из области Сы. Где это — он не знал. Должно быть, очень далеко.

В тот день они с матерью у тёти не задержались. На прощанье та дала им несколько мер риса да бобов, а ещё поросёнка и триста монет.

А-Янь отнекивалась, но тётя и слушать не хотела:

— Не могу же я смотреть, как вы с голоду помираете! Коли что — Цюаньцзы ко мне присылай, не стесняйся.

Покидали они усадьбу уже под вечер. Тётя велела слуге отвезти мать с сыном на волах в деревню Чжу.

В дороге Цюаньцзы сидел в телеге, прислонившись к мешкам с зерном, и смотрел на закат. Вечерний ветерок трепал его волосы и одежду. На руках он держал поросёнка, и тот всю дорогу похрюкивал.

— А куда это Цюаньцзы подевался?

После полудня Чжуан Лань хотела с ним поиграть, но обнаружила, что дом заперт, а вокруг ни души. Только овца снаружи паслась.

— Не знаю. Овцу снаружи оставил — значит, к вечеру вернётся.

В деревне Чжу жили спокойно, но до того, чтобы добро на дороге валялось, дело не дошло. Скотину без присмотра оставить — мигом украдут.